

ДОМ

Исповедь
Идиота 3

Избранное

ДОМ

Исповедь Идиота 3. Избранное

«Издательские решения»

ДОМ

Исповедь Идиота 3. Избранное / ДОМ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904894-3

Если вы ищете книгу для души, где можно посмеяться, задуматься и погрузиться, то «Исповедь Идиота 3» написана именно для Вас. «Мой друг Женька»: это рассказ — исповедь о любви и предательстве, об ответственности перед теми, кого мы к себе когда-то, пусть даже невзначай, привязали. Рассказ «Операция персики» — это задорные воспоминания парня из Крыма о его вынужденных российских похождениях в 20 веке, где он уже в 21 веке постоянно задаётся вопросом: «А что за это время в России изменилось?»

ISBN 978-5-44-904894-3

© ДОМ

© Издательские решения

Содержание

Пролог или просто введение «В гостях у ДОМ@»	6
Причина заставившая меня писать «Исповедь Идиота»	6
Избранное с повести «Исповедь Идиота»	8
Мой друг Женька	8
Операция «Персики»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Исповедь Идиота 3 Избранное

ДОМ

© ДОМ, 2019

ISBN 978-5-4490-4894-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Внимание!

В содержании этой книги присутствуют сцены употребления табака и спиртных напитков.

Напоминаю: вредные привычки вредят вашему здоровью.

Берегите себя!

ДОМ

Пролог или просто введение «В гостях у ДОМ@»

Причина заставившая меня писать «Исповедь Идиота»

Всю свою сознательную и подсознательную жизнь моя беспокойная душа и неугомонный мозг не знают покоя. Работая в различных сферах, я, не ограничивая своё любопытство и реализовывая свои возможности, постоянно увлекался новыми направлениями в своей деятельности. Таким образом, наращивая профессионализм и накапливая жизненный опыт, я искал себя.

Занимаясь оружием, живописью, пошивом и моделированием одежды, кулинарией, строительством, экономикой, политикой, электроникой, рыбалкой, а так же стихами..., я, не только добившись успехов, но и обрастая определённой аудиторией поклонников и клиентурой, не успокаивался, ища совершенства.

Начиная изучение вопроса снаружи, я искал возможность изучить его изнутри, не ломая оболочки. Так, не ограничивая себя только на внешнем и физическом изучении человеческого тела, я исследую другой путь заглянуть вовнутрь – это попробовать проникнуть туда через сознание, в душу. Так как тело, это только оболочка, а мне необходимо большее.

Потому, что именно в этой кладовой кроются неподвластные даже науке тайны человеческого бытия и сущности. Ибо, не разобравшись в этом накопленном в ней теперешнем – настоящем, мы ничего стоящего не можем передать в наступающее будущее. Тем самым, прерывая связь поколений, лишаемся его.

В этом поиске, не найдя душевного покоя в стихах и живописи, я решил написать «Исповедь», то есть сознательно заняться прозой. Может, делаясь с читателями тем, что меня тревожит, я через неё достучусь до их сердец? При этом разберусь в себе и пойму, для чего родился.

Ведь у меня тоже есть оболочка, которая трещит от тяжести и плотности накопленного. Я устал ходить в напряжении по наполненной острыми углами жизни, чтобы не наткнуться и не порвать её, опасаясь непредвиденного взрыва. Лучше эту оболочку приоткрою сам, делаясь с вами своим самым сокровенным. Но вы мне не знакомы, и вот поэтому я называю себя «Идиотом», с надеждой, что мы станем ближе. А так же и потому, что не боюсь быть смешным и даже уродливым, ни в своих изречениях, ни в описываемых мною событиях. Только слабые, неуверенные в себе личности и режимы, боятся правды, стараясь выглядеть правильно и красиво. Ведь эти каноны, которые зачастую ими же выдуманы и утверждены, условны. Но с ними скучно, они не интересны, так как оторваны от реальности, а нам нужна жизнь с её взлетами и падениями, с её смехом и горем, с её правдой. Всё же мы живём своей жизнью и видим её такой, какая она есть, а не той, что нам навязывают.

Сколько себя помню, никто из моих прямых родственников по линии родителей, которых я знал лично, не верил в Бога. Правда, они поговаривали, что был родственник – священнослужитель по линии отца, но он умер в 20-х годах 20 века, так что встречаться с ним я никак не мог. Поэтому никогда ни одного своего родственника молящимся мне видеть не приходилось. Не хожу в церковь и сам, знаю не поможет, а молюсь ли -это знак вопроса. Но исповедоваться необходимо, что и делаю.

Я знаю Бог есть, как есть и Дьявол. Бог находится где-то рядом, оберегает и подсказывает, а Дьявол периодически забегает в гости, причём без приглашения и предупреждения.

Да пусть мне поможет Бог, и не мешает Дьявол.

Пишу, пока я в трезвом уме и добром здравии. Пока меня не настигли ни маразм, ни мания величия.

Таким «Прологом» начинается моя автобиографичная повесть, которую я пытаюсь завершить. А стоит ли, ведь жизнь, подбрасывая всё новые и новые сюжеты, продолжается? Думаю – да, но оговоркой «Продолжение следует».

Прочитав в интернете о самиздате Ridero, их условиях и возможностях, я решил, не дожидаясь завершения, опубликовать часть своего повествования, оформив его как Избранное с «Исповеди Идиота». Тем самым проверить это издательство, а заодно свои литературные возможности. Не сидеть в своей скорлупе, лелея себя написанным, а изучить спрос и предложения. Как бы получить встряску и идти дальше к своей цели.

Думаю, на сколько вам будет интересно читать уже завершённое, тем интенсивнее пойдет продвижение повести в целом.

Название пролога « В гостях у ДОМ@» – это не только предложение зайти ко мне в гости для того, чтобы Вы вместе со мной прошли эту небольшую часть моего непростого творческого пути, но и напоминание: почувствуйте себя здесь, как дома, но не забывайте, что Вы в гостях.

Добро пожаловать!

Избранное с повести «Исповедь Идиота»

Мой друг Женька

Долго думая над названием этого рассказа, более точного определения наших взаимоотношений, как «Мой друг Женька», я не нашёл. Искренность, преданность и полная взаимная гармония сопровождали нашу дружбу долгие годы, но начиналось всё исключительно—наоборот.

Отец, работая бригадиром строителей, пришёл с работы с подарком. Подарок, находящийся в мешке, ворочался и рычал. Моему восторгу и любопытству не было предела. Но показать содержимое в тот вечер отец почему—то никому не решился, отделавшись возбужденно—сбивчивым рассказом слегка подвыпившего человека. Суть его повествования была следующей: ещё с осени, заложив фундамент под постройку новой кроликофермы, бригада рабочих весной занялась продолжением строительства, но возникла одна проблема. Их упёрто не подпускала к груде сваленного с прошлого года стройматериала злющая собака. Прорвав первую оборону, рабочие обнаружили логово, которое с не меньшим достоинством защищали щенки. Особенно один из них, оказав предельное сопротивление, долго не давался им в руки. Он то и достался отцу, как бригадиру.

Только на следующий день наше любопытство было удовлетворено, и все увидели подарок. Им оказался злющий, но симпатичный щенок. Довольно крупные черты, мощная грудь и лапы наводили на мысль, что в нём заложены благородные гены. Хотя ему было не более одного месяца, он вёл себя независимо и гордо. Все наши попытки не только погладить, но и приблизиться к нему, терпели полную неудачу. И к выше перечисленным качествам добавлялась ещё агрессия, с которой он уже не защищаясь, а нападая, пытался укусить. Короче говоря, на контакт щенок идти не хотел, за что и был временно помещён в сарай, где раньше находился поросёнок. Это строение было удобно тем, что в нём было встроено корыто-кормушка, через которую было удобно, не открывая двери, его кормить.

Прошёл месяц и, несмотря на моё повышенное к нему внимание и массу использованных приёмов и кличек, щенок на контакт так и не шёл. Домочадцы, теряя к нему интерес, опустили руки, даже иногда забывая из-за других забот покормить это бедное животное.

Как-то, придя со школы домой я не обнаружил пса на месте, и мысленно проигрывая версии о его бегстве или даже краже, слегка расстроился. Но появившийся отец рассказал мне, что щенка он отдал в хорошие руки, а хорошие руки оказались у моего дядьки по линии матери.

Дело было так: пока дома никого не было, мой отец и дядька Петька, то ли обмывая какое-то дело, то ли просто так непринужденно болтая о всяких мелочах, выпивали. Не любитель прихвастнуть, отец начал показывать ему свои владения. Чтобы окончательно удивить гостя, зная, что тот имеет слабость к охоте, отец показал щенка сидящего в свинарнике, убеждая дядьку, что тот голубых кровей. Щенок действительно смахивал на немецкую овчарку, и дядька Петька загорелся. Рассказывая о неимоверных достоинствах пса, отец естественно не упомянул о его особенностях, включая дикий нрав, и утвердил блуждающую в дядькиной голове мысль, что именно такая собака нужна охотнику для полного счастья.

Торг долгим не был. Хотя отец и говорил, что прирос к псу душой, но не долго думая, уступил его дядьке как родственнику всего за две бутылки водки, и собака тут же была пропита.

Так щенок, как неожиданно появившись в моей жизни с помощью отца, также неожиданно с его помощью и исчез, не оставив следа ни в моей ещё не забытой событиями памяти, ни

шпрама на моём, тогда ещё не закалённом жизнью, ранимом сердце. Но как ни странно, это был не конец, а только начало нашей долгой, незабвенной дружбы, о которой написан этот рассказ.

Прошло более чем пол—года. И вот однажды, вернувшись с учебы, я чуть ли не столкнулся с сидящим возле крыльца нашего дома псом. От неожиданности моё сердце сжалось. Перед мной сидел с гордой независимой осанкой, взрослый, незнакомый пёс. И лишь его слегка виляющий хвост успокаивал моё сознание, которое мысленно перебирало мотивы, приведшие это животное к нашему дому. Как тут наши глаза встретились. Сжатое сердце вдруг защемило. Боже мой! Передо мной сидел тот бывший щенок, который, никому не даваясь в руки, больше месяца держал всех в напряжении. Теперь всё его существо, как и взгляд, пронизанный жалостью, умоляя, просили: «Не прогоняй!» То ли с испуга, то ли чтобы хоть как-то разрядить напряжённую ситуацию, я даже не перебирая в памяти имена, неожиданно выпалил: «Женька!» Как вдруг пёс подошёл ко мне и лизнул руку. Так началась наша дружба, а в нашей семье к именам Вера, Миша, Инна и Олег добавилось ещё одно – Женька.

Пёс полностью оправдывал своё человеческое имя. Его открывающиеся способности да сообразительность удивляли не только меня, но и окружающих с каждым днём всё больше и больше. Одним словом, вся наша семья привыкла к этому симпатичному, разумному животному и существования без него уже не представляла. Как вдруг появился дядька Петька. Узнав о скрывающемся у нас беглеце, он требовал его вернуть.

Я очень переживал за сложившуюся ситуацию и в чью пользу возникшее разногласие будет разрешено, так как от этого зависела не только дальнейшая судьба пса, но и моя. Ведь я к нему уже прикипел душой, а он, в свою очередь, стал не только моим другом, но и моей тенью.

Пока шли долгие переговоры взрослых, я и Женька, сидели за сараем обнявшись. Мы оба осознавали, что возможно эти мгновения последние и нас могут скоро разлучить. Обняв Женьку и шёпотом говоря ему ласковые слова, я гладил его загривок, этим пытаюсь успокоить не столько своего друга, сколько себя. Пёс всё понимал и, тяжело вздыхая, тоскливым взглядом смотрел на меня. Тихо скуля, он лизал мои щёки и руки. Мы прощались.

Могу только поклониться и отдать должное отцу. Осознавая шепетильность ситуации, он использовал все свои возможности и, не брезгуя аргументами, приложил в споре с дядькой полную мощь своего дипломатического красноречия. Ведь на кону стоял не столько финансовый, сколько принципиальный вопрос. Прислушиваясь к голосам сторон, по их интонации я пытался определить, в чью пользу идёт разрешение возникшего конфликта. Женька, жалостно смотрел мне в глаза, и полностью полагался на мою интуицию.

К вечеру, услышав мягкий тон подвыпивших голосов, которые нас звали, мы вышли из укрытия. Первым вышел я. Женька появился лишь после того, как я его позвал. Весь его вид показывал сожаление, что он всем доставил столько проблем. Понутив голову и слегка виляя хвостом, пёс как бы перед всеми извинялся, что из—за него разгорелся такой сыр—бор. Женька, виновато опустив уши, сначала нерешительно подошёл к дядьке и просяще глянул ему в глаза. Затем устало сделав круг, пёс улёгся у моих ног и, тяжело вздохнув, положил голову на лапы. Выбор был сделан, и мой дядька сдался. Пока конфликтующие стороны допивали спиртное и договаривались об условиях сделки, мы с Женькой ликовали.

Ведь дядьку Петьку тоже можно было понять. Делая из щенка охотничью собаку, он вложил в него много сил и уже предвкушал наслаждение от удачной охоты. А удачу должен был принести именно Рекс, так дядька называл подрастающего пса. Но, как говорят охотники, произошла осечка. Гордо выйдя первый раз с ним на охоту, он отстегнув поводок, пустил Рекса по следу, и Рекс пошёл, но больше не вернулся. Видимо по-спартански воспитывая щенка, дядька перегнул палку. Он, не учтя его гордого своенравного характера, забыл о любви и ласке, которыми тот был обделён, оторванный от своей матери. Видно терпя обиды от дядьки, пёс

вспоминал, с какой любовью к нему относились прежде, и у него возник план побега, который, он найдя возможность сразу реализовал. Но как пёс, принесённый в мешке отцом и унесённый таким же способом дядькой Петькой из дому, нашёл нас и какие приключения при этом пере- нёс – это до сих пор остаётся тайной.

Вскоре отец смастерил для Женьки будку, ведь у нас в доме появился сторож, а он должен иметь свой угол. Будка была выполнена по всем законам архитектуры. Сделанная из широкой доски, утеплённая и крытая рубероидом, с деревянным, поднятым от сырости над землёй полом, она выглядела настоящим домом. Затем по всему двору была натянута и закреплена проволока. Вот на неё и был посажен мой Женька. Мне было его жалко. И я не упускал возможности снять нашего охранника с цепи, для того чтобы с ним прогуляться. Эти случаи происходили на столько часто, что его жизнь превратилась в сплошную прогулку. Родители, видя, что пёс никуда не убегает и бдя службу, не нарушает устоявшуюся в хозяйстве гармонию, уже привыкли к мирно лежащему, но по первому зову бегущему на помощь, Женьке. Да и сидящий на привязи, пёс делал такую жалкую морду, обиженного, всеми забытого и брошенного существа, что сердце ни у кого не выдерживало и руки сами тянулись к ошейнику, чтобы его отпустить. Так каждый из нас двоих реализовывал свой план, в который входила не просто свобода, а полная свобода. Постепенно мы добились своего.

Даже отец, привыкший видеть Женьку свободно да мирно лежащим и прищуренным глазом следящим за обстановкой, однажды увидев пса на привязи, возмущаясь, отпустил его. Того, кто это мог сделать, он так и не нашёл. И так происходило несколько раз.

Но в один день ситуация полностью проявилась: как то придя на обед, отец снова увидел Женьку, сидящим на привязи. В очередной раз, снимая пса с цепи, он обратил внимание на свободно болтающейся на нём ошейник. Кто мог снова посадить нашего охранника на цепь, так как дома до обеда никого не было, опять осталось загадкой. Но тут неожиданно появившаяся соседка тётя Надя, и со словами: «Да я с вашей собакой чуть сегодня в штаны не наложила!» – поведала ему такую историю.

Вчера, хорошо посидев у нас в гостях, тётя Надя, то ли решив повторить, то ли по делу, не предчувствуя никакой опасности, без предупреждения зашла в наш двор. Женька, видимо потеряв бдительность, задремал на своём любимом месте, в розах, у ворот. И только звонкий голос соседки, крикнувшей: «Хозяин!» – полностью вывел его с этого состояния. Реакция нашего сторожа на её опрометчивый поступок была незамедлительной. Так как тётя Надя успела зайти довольно глубоко во двор, пёс в два прыжка оказался у неё сзади. Неожиданное появление злющего пса, грозящегося порвать её на куски, соседку просто парализовал. При этом он даже отключил у неё дар речи, которым она очень гордилась. Прижимая тётю Надю к забору, пёс, ругая её своим собачьим матом, постепенно вытолкнул нарушительницу границы за пределы двора. То ли чувствуя вину за свою утраченную бдительность, то ли за жёсткий собачий мат, которым он обложил соседку, пёс, сам продев голову в ошейник, сел на цепь и тем самым себя наказал. Таким образом, за содеянные, как ему тогда казалось важные проступки, Женька жертвовал тем, чем так дорожил – свободой.

Шло время. Женька, основательно завоевав наши сердца с неподдельной деловитостью и пунктуальностью, выполнял свои обязанности сторожа, а в наше отсутствие, даже хозяина. Деловито обходя свои владения, он с удовольствием общался с жителями нашего хозяйства и все, независимо от рода, звания, вероисповедания да взглядов на окружающий мир, его уважали. Кота Барсика, который заигрывая с ним, постоянно лез к нему целоваться, а иногда, наглея, забирался на него поспать, он уважительно—мягко с себя скидывал, как бы говоря: «Тут столько дел, так что извини, не до тебя». Когда же кот окончательно наглед или совершал по мнению пса недопустимый поступок, он его загонял на столб, и по два—три часа не давал

с него слазить, тем самым подчёркивая, кто в доме хозяин. Уток Женька приглашал в сарай на ночлег, мягко подталкивая каждую своим носом в зад, как бы пересчитывая и говоря: «Что же вы такие нерасторопные да бестолковые». Курятник тоже не был обделён вниманием: там он зачастую разгонял петушинные бои. Но основной головной болью у него были кролики, которых отец разводил в большом количестве и которые постоянно пытались, делая подкопы, вырваться на волю. Найдя подкоп, Женька тут же приводил меня или отца к месту происшествия. Он, высунув язык и деловито крутясь вокруг, помогал нам восстанавливать порядок, всем своим поведением подчеркивая, что не зря ест хлеб насущный. Одним словом, как психолог, где кнутом, а где пряником, Женька поддерживал дисциплину, которая создавала иллюзию полной гармонии в нашем хозяйстве.

На самом же деле Женькино нутро рвалось на просторы полей, лесов и виноградников. Внимательно следя за каждым моим шагом, Женька мог безошибочно определить, куда я собрался идти. Если мои затянувшиеся сборы и атрибуты подготовки подтверждали, что я собираюсь на охоту, Женькиной радости не было предела. Так как это представляло тогда большую тайну, пёс с трудом старался сдерживаться и всем своим видом изображал, что ничего особенного не происходит. Он озабоченно начинал делать обход своих владений. Это было для него поводом, как бы между прочим понаблюдать за мной. После тайных сборов я, оставив слегка приоткрытой калитку, так же тайно исчезал. Что являлось для пса сигналом к действию. Женька для отвода глаз, нетерпеливо посматривая по сторонам, прохаживался по двору и, соблюдая конспирацию, тенью проскальзывал в оставленную мной щель в калитке. Через несколько минут мы уже были вдвоём. Мне можно было и не ждать собаку в условленном месте, так как Женька мог найти меня везде. Но я обычно его с нетерпением ждал, чем подчёркивал своё уважение к другу, и он это понимая ценил, платя мне тем же.

Найдя меня на нашей поляне, Женька начинал носиться, как угорелый, делая широкие круги. Он, как смерч, летал вокруг, буреломом ломая кусты. Со стороны можно было подумать, что у пса «сорвало крышу». Но это было не просто выражение его накопившихся эмоций или погоня за бабочками да птичками, это было большее. Пёс, знавший о данном моём увлечении не понаслышке, разминался. Иногда проносясь в нескольких сантиметрах от меня, он демонстрировал свои возможности. Его разминка продолжалось пока я, достав оружие, заканчивал свою подготовку к охоте. Увидев, что мои сборы завершены, Женька подбегал и, глядя мне в глаза, выпрашивал оценку его готовности. Если я, теребя загривок пса, говорил: «Молодец!» Он преображался. Поведение моего друга становилось деловито – сдержанным, ведь он шёл со мной на охоту, а это дело серьёзное.

Дальше каждый из нас выполнял свои обязанности. Пёс, бегая кругами и глубоко сопя, искал след, я полностью полагаясь на него, мог, любясь окружающим миром, наслаждаться жизнью. Мы не жаждали крови. Охота для нас была атрибутом единения. Она, укреплённая тайной, вырабатывала адреналин и усиливала нашу ответственность друг перед другом. Зачастую, не сделав ни одного выстрела, без добычи, уставшие и голодные, мы шли домой довольные проведённым вместе временем. Природа нас манила своей гармонией и искренностью, в которой существовали свои законы, где нет суеты и подлости, где происходит единение душ, а не единение сословий. Ведь мы не играли с природой, а жили ею.

Так было и в тот холодный ноябрьский день. Пройдя много километров, так и не сделав ни одного выстрела, я решил прочесать колхозный виноградник и заодно поживиться, пропущенными в уборку, одиноко висящими кисточками, сладкого, превращающегося в изюм, винограда. Женька молча со мной согласился. Сильный, холодный ветер, срывая капюшон, дул мне прямо в лицо, но я не сдавался. У пса дела тоже были не лучше. Мощный поток воздуха, не задерживая запахи у Женькиного грязного от старания носа, с большой скоростью уносил их безвозвратно вдаль. Пёс нервничал.

Найдя брошенную, слегка примороженную кисть винограда, я с удовольствием её поглощал, забыв об охоте. Холодный, сладкий виноград, сводя зубы, замораживал мои мозги, в которых, как в заевшей пластинке, повторялась одна и та же мысль – надо идти домой. Вдруг Женька, преградив своим телом мне дорогу, тихо зарычал, своим поведением показывая, что рядом кто-то есть, но кто и где я не видел. Не создавая шума, я снял с плеча оружие. Зная о нём не понаслышке, Женька, как по команде, ушёл за мою спину. Всматриваясь и бессмысленно водя стволом по сторонам, так никого и не увидев, я сдался. Пёс все это время, тихо поскуливая от нетерпения, рвал и метал. Рыча и гребя лапами землю, видимо внутри себя ругая меня за бестолковость, он рвался в бой. Подняв ствол вверх, я дал ему сигнал к действию. Женька пулей рванул из-за моей спины. Я был ошарашен, опередив пса на доли секунды, прямо из под моих ног выскочил большой, длинноухий русак. Оказывается всё это время на меня в упор смотрел заяц. Так как мы с Женькой шли на сильный ветер, звуки и запахи, исходящие от нас, не успев достичь косоного, уносились от него прочь. И он, прозевав наше неожиданное появление, залёг.

Началась борьба гонщиков. Женька, понимая, что в беге по ровному виноградному ряду зайцу нет равных, а лично его надолго не хватит, настигая, постоянно пытался сбить косоного с ряда. После нескольких таких попыток заяц поддался на его провокацию. Пытаясь с ходу перескочить через натянутую проволоку виноградного ряда, он зацепился за неё задней лапой. Неуклюжее сальто косоного закончилось яростными объятиями пса, и дело было сделано. Скорость происходящей на моих глазах драмы, ввела меня в шок, но занавес представления уже закрылся. Мне только оставалось подойти и убедившись, что заяц мёртв, подвесить его на пояс да похвалить пса. Ведь мы на охоте, а на ней всё по-настоящему.

Вскоре холодный осенний ветер, остудив вскипевший в моей голове негативный адреналин, сменил его на эйфорию победы, которую своим поведением поддерживал Женька. Умышленно не пряча добычу, мы гордо вошли в село. Каждому встречному, задававшему вопрос: «Как охота?», я подробно рассказывал о талантах и возможностях своего пса. Как только Женька слышал в моём рассказе своё имя, то сразу же активно подключался к разговору, всеми своими эмоциями подтверждая, что именно так всё и было.

По мере расширения разнообразия моих увлечений расширял свой кругозор и Женька. Он активно пытался во всём мне помогать, но зачастую лишь путался под ногами и мешал. Однако боясь обидеть друга, от его помощи я никак не мог отказаться.

В то время заядлым грибником я не был. Но так как в тех местах после дождей в изобилии росли шампиньоны и однобоочки, то при неудачной охоте они попадали в мой трофей. Женька быстро научившись по нюху определять, какие грибы нужно собирать, рьяно бросался мне помогать. Найдя гриб, он мог долгое время назойливо лаять, чтобы я пришёл и срезал его. После того как он вынуждал меня это сделать, пёс с чувством выполненного долга, высунув язык, мчался на поиски другого. Женьку, как настоящего вошедшего в азарт грибника, не интересовали ни расстояние, ни количество найденных грибов, и мне приходилось зачастую из-за одного мелкого гриба плестись на собачий лай по несколько сот метров.

На рыбалке мне без Женькиной помощи ну никак нельзя было обойтись. На каждую подсечённую мною рыбу, видимо боясь, что та уйдёт, пёс набрасывался с таким остервенением и лаем, что грозил порвать не только поводок, но и основную леску снасти. Я уже не рассказываю о рыбе, распуганной от его шума.

Как-то на очередной рыбалке, будучи отчитанным за абсолютно не рыбацкое поведение, Женька лежал на берегу пруда рядом со мной, обиженно положив голову на лапы, и как бы безучастно наблюдал за происходящим. На каждую выловленную мною рыбу, ему приходилось реагировать только резким поднятием головы и не более. Пёс скучал. Рыбалка шла полным ходом, ловились карасики с ладошку, а мне тогда большего было и не надо.

Из—за не имения садка, пойманную рыбу я нанизывал через жабры на проволоку и опускал в воду. Насаживая на это приспособление очередного выловленного карасика, я вдруг обнаружил откушенные хвосты нижних рыб. Осталось выявить и обезвредить тварь, покушавшуюся на мой улов. Ею оказалась довольно крупная, старая, болотная черепаха, которую я несколько раз предупреждая, отпугивал палкой. Но воровка, почувствовав себя хозяйкой положения (ведь это же её пруд), настолько увлеклась, что мне только оставалось резким движением руки выкинуть её на берег. И у скучающего на берегу Женьки тотчас появился объект исследования. Основательно изучив, осторожно нюхая и трогая лапой это болотное существо, он быстро потерял к нему интерес. Но когда объект исследования, вдруг высунув голову и лапы начал довольно быстро передвигаться в сторону пруда, Женькиному восторгу не было предела. И он с вдохновением занялся вопросом извлечения этого настырного существа из его укрытия, каким являлся панцирь. Задача оказалась сложнее, чем пёс предполагал. Так как неизвестное псу существо оказалась ему не по зубам, Женька разрабатывал различные комбинации и тактику, чтобы застичь черепаху врасплох. Он, то залегал на разных расстояниях для неожиданного нападения на неё, то скатывал её в ямку, чтобы стать невидимым. Но опыт и реакция самозащиты черепахи брали верх, и она упёрто подползла между его нападениями к водоему. Тогда Женька катил её лапой подальше в поле, и всё начиналось сначала. Нервы пса были на пределе. Ведь такого ещё не было, чтобы его так долго кто-то водил за нос, причём при свидетелях, каким являлся я. Этого пёс пережить никак не мог. К концу рыбалки черепаха была похожа на обшарпанный придорожный булыжник, так как её панцирь был обглодан зубами и исцарапан когтями пса. Но Женька не сдавался.

Даже после сборов пёс долго не хотел возвращать её в мои руки, и мне пришлось взять черепаху в качестве выловленного трофея с мыслью, что Женька наиграется, и я завтра тайком отпущу это «чудо» обратно в пруд. Но дальнейшие события развернулись по-иному.

Придя домой, я в первую очередь положил черепаху в тазик с водой, а затем занялся рыбой. Вскоре, закончив свои дела, я решил проверить, как себя чувствует временная узница. Но ни черепахи, ни Женьки на месте не было, тазик был перевернут. Через некоторое время пёс появился. На мой вопрос: «Где черепаха?» — он только виновато вилял хвостом, но тайны так и не выдал.

Более тщательное расследование причины её загадочного исчезновения, не дало положительных результатов. Даже версия, что Женька, чтобы окончательно похоронить непобеждённого соперника и свой позор, зарыл черепаху в огороде, не увенчалась успехом. Могила героини я там не обнаружил, и сдался, прекратив поиски.

Через неделю я услышал возмущённые возгласы отца: «А я то думаю, что это у нас куры не несутся?! И надо же куда тебя занесло!» В руках он держал обглоданную псом черепаху, при этом подозрительно посматривал на меня с Женькой. Мы сделали вид, что в первый раз видим это таинственное создание. И на этом то дело затихло.

Видимо Женькина пленница, скрывшись от него и не найдя более прохладного и безопасного места как курятник, устроилась в нём жить. Чем она там питалась, до сих пор неизвестно.

На следующий день я и Женька торжественно отпустили путешественницу в её водоём, а история с черепахой осталась нашей общей тайной.

Время уходило безвозвратно. Много поменялось в моей жизни. Смерть матери внесла существенные коррективы в мою биографию, естественно зацепив и Женьку. Я переехал жить к тётке на год, и мы невольно расстались. Пёс тосковал, выражая тяжесть разлуки воем. Долгий, протяжный рассказ, который он затевал ночью, мешал не только членам нашей семьи, но и соседям, все гнали его прочь. На долгое время уходя из дома, он дичал.

Тяжело пережив наше расставание, Женька с неописуемым восторгом встретил меня вновь, но год разлуки давал о себе знать. Хотя мы так же искренне общались и довольно часто выходили на охоту, он всё равно рвался на свободу. Покидая территорию двора, пёс демонстративно перепрыгивал через самую высокую, двухметровую часть ограждения, каким являлись ворота, тем самым показывая мне свою не утраченную физическую форму.

Поступив учиться в ПТУ, находящееся в поселке Приморский, я покидал своего друга на неделю. Приезжая на выходные, я всё чаще и чаще находил пса под деревянным сараем, где он себе обустроил логово. Его тело зачастую было изрешечено дробью, или порвано стаей собак. Ни разу я своего Женьку не видел в стае. Он был горд и независим, за что платил своим одиночеством. Ведь нередко бывает, что эти качества и у людей тоже вызывают раздражение, а иногда даже ненависть. Найдя ждущего меня Женьку измождённым, покормив и оказав ему первую помощь, я опять уезжал. И так повторялось всё снова и снова.

Служба в армии прервала нашу тесную связь более чем на два года, но не дружбу. Меня встретил изрядно потрепанный, измученный долгим ожиданием пёс. Катающаяся под шкуркой лба дробь и рваные уши рассказывали о его непростой, полной событиями и драматизма, жизни. Но это был мой, тот самый настоящий, самый верный друг Женька, который так же сопровождал меня везде, являясь моей тенью.

Как-то вечером, долго гуляя с одной дамой, мы решили уединиться. Было уже всё: и крепкие поцелуи и нежные объятия, дело стало за главным, однако подругу смущало одно «НО!» У неё сложилось ощущение, что за нами кто—то постоянно наблюдает. Я сразу понял, что это Женька. Он действительно соблюдая строжайшую конспирацию, сопровождал нас везде, и я об этом знал. Повышенная женская осторожность да чутьё раскрыли его операцию, и мне пришлось вызывать заговорщика из укрытия для знакомства со своей подругой. Даме пёс очень понравился, но теперь рухнул мой план, так как остаток вечера мы провели уже втроём.

Работа и мои появления дома от случая к случаю сделали своё дело. Женька уходил в загулы на месяц и более. Теперь его домом была улица с её законами и нравами.

Сейчас трудно говорить кем и чем мой друг заполнял оставленную мною пустоту в его душе и сердце, но как то, приехав домой только через два месяца, я не застал Женьку дома. На мой вопрос: «Где Женька?» – постоянно подвыпивший отец сбивчиво ответил: «Как только ты уехал, так я его больше и не видел, уже наверное месяца два будет». Сердце моё ёкнуло и я подумал: «Это всё». Что-то мне подсказывало, указывая дорогу к Женьке, и я его вскоре нашёл. Распростёртое, исхудавшее тело моего друга лежало возле колхозных скирд сена. Оно было изрешечено выстрелами в упор. Рядом лежало тело незнакомого мне пса. Их головы были направлены к дому. Кто был ему этот пёс, просто знакомым, с которым он коротал время, ожидая меня, или настоящим другом, а может последней его любовью? Нам теперь этого не узнать.

Сняв головной убор, я почтил память о нём минутой молчания, так как ничего большего для моего друга Женьки уже сделать не мог.

Написано к дню моего рождения, в память о моём друге Женьке.

29.04.2014г. ДОМ – Дубинин О. М.

Операция «Персики»

Я думаю, что каждый южанин пробовал этот довольно крупный, сочный, покрытый играющей всеми цветами радуги тонкой, ворсистой оболочкой, с ароматом южных трав и морей фрукт, под названием Персик. Стоит его надкусить, как он выпрыскивает, орошая всё вокруг вязким, неповторимым нектаром утренней росы и мёда сок. Казалось бы какие раздоры, интриги, да прочие страсти могут возникнуть из-за этого, воспетого художниками и поэтами за его красоту и вкус, невинного плода? Но тут не всё так просто, как может показаться на первый взгляд. Ведь не зря же многие что-либо утверждая, говорят: «Был бы повод, а причина всегда найдётся», – этим зачастую умышленно путая, что является основанием, а что следствием для возникновения различных ситуаций? Так как в те «счастливые» 70-е для многих северян необъятного Советского Союза персики были диковинкой, то и в этой истории сразу может показаться, что ответ лежит на поверхности. Но не спешите с выводами.

Что же всё-таки толкнуло меня к написанию этого повествования, и что является его основанием, Вы сможете понять только лишь тогда, когда прочтёте его полностью.

В один из пасмурных августовских дней было объявлено срочное построение нашей роты на плацу части. После того как это распоряжение было выполнено, перед ней появился всем уже знакомый командир хозяйственной части майор Гусев с сопровождающими его лицами. Его напыщенный вид и суровый взгляд говорили, что произошло что-то необычайное. Дав команду: «Рота смирно! – и убедившись, что глядя на него, все прониклись серьезностью ситуации, он произнёс: – Орлы!» После этого возгласа даже самые безучастные вздрогнули, а равнодушные сосредоточились, ожидая продолжения его речи. Остальных начало процедуры насторожило.

Он, удостоверившись, что вступительная часть его обращения произвела на всех присутствующих неизгладимое впечатление, делая паузы и нагнетая обстановку, продолжил: «На нас возложена великая миссия: обеспечить разгрузку грузового лайнера, прибывшего сегодня с дружественной нам страны Болгарии!» «Слава Богу! А то я уж подумал, что война!» – пошутил кто-то удачно из задней шеренги. Все засмеялись. Выждав несколько секунд, майор Гусев, сделав замечание: «Прекратить шуточки в строю! – и дождавшись тишины, громко сказал: – Болгарские женщины загрузили этого стратегического фрукта под названием Сливы объемом пятьдесят тонн за шесть часов, я же вам даю на разгрузку четыре часа». Кто-то из его окружения вкрадчиво, шёпотом попытался поправить: «Персики, персики, товарищ майор». «Какая хрен разница! – жестко оборвал его Гусев, продолжая: – Хочу добавить, что один час простоя этого лайнера обходятся нашей стране одна тысяча двести рублей. Вольно! Для выполнения поставленной мною задачи даю команду: разойтись!»

Так как я в то время занимал должность заместителя старшины роты, мне по этому поводу надо было срочно встретиться с моим прямым командиром, прапорщиком Сафроновым. Но тот меня тут же сам нашёл и вот почему: корыстная заинтересованность моих непосредственных начальников в этом грузе.

Честно говоря, я даже не сомневался, что они не упустят такую возможность поживиться на халяву такими дивными для севера фруктами, как персики. Ведь тогда вся наша Великая страна под названием СССР, была пронизана лозунгом: «Ты здесь рабочий, а не гость, тащи с завода каждый гвоздь!» Мои командиры в этом вопросе исключением не были. Только могу заметить, что до низости мародёрства они при мне никогда не опускались, за что я их и уважал.

В кабинете командира роты под грифом «совершенно секретно» мне было дано задание: срочно раздобыть пять ящиков болгарского стратегического груза. Промедление было про-

сто немыслимо, дорога была каждая минута. Мне предоставлялись широчайшие полномочия в выборе личного состава группы и планов реализации этого поручения. Главное выполнение, главное – персики. Я сразу вызвал в кабинет сержантов: Фокина, Вялова и ещё двух проверенных делом матросов. «Не многовато ли людей для пяти ящиков берёшь?» – настороженно спросил у меня старшина роты прапорщик Сафронов. «А вдруг будет возможность ещё больше персиков раздобыть», – нашёлся я. «Молодец, соображаешь!» – остался доволен моим ответом он. Хотя теперь на старого, тёртого прапора Сафронова, как и командира роты капитана Волкова, ложилась главная официальная задача: выполнение своевременной разгрузки, и каждый человек был на счету, но они знали, что делают. Уж очень был у них велик соблазн на халяву приобрести экзотические фрукты под названием Персики.

Я не зря подобрал группу из этих ребят, так как у меня сразу возник план решения поставленной перед мной задачи. Фокин – мой друг, бывший командир взвода водителей, и на него ложилась задача достать машину. Алексей Вялов, уверенный в себе исполнительный, разбирающийся в людях костолом, должен был подобрать ещё двух себе подобных с роты, что он сразу и сделал. Я же на все руки мастер, а особенно на выдумки – значит возникающие проблемы будем решать по ходу дела.

Ровно через полчаса новенькая машина командира части УАЗ, в которой восседал сержант Фокин, была подана, и операция «Персики» началась.

Дальше события развивались со скоростью смерча. Так как никто даже не мог заподозрить, что в командирской машине едет группа захвата, нас не только беспрепятственно везде пропускали, но и уважительно отдавали честь. Через двадцать минут мы были на месте.

Первое впечатление от увиденного которое было лично у меня – это был восторг, который затем сменился некоторой растерянностью. На аэродроме, среди стоящих грязно – зелёных стратегических военных самолётов, очень сильно выделяясь, стоял турбовинтовой АН 22 «Антей». Его размеры и бело – голубая окраска придавали этому чуду нашего авиастроения особую величественность, а нам гордость за нашу Великую страну. А это в свою очередь придавало этой операции особую значимость и масштабность. В этом и проявлялся восторг.

Удручало меня не то, что около самолёта находилась приличная масса народа и техники, а то, что в оцеплении вокруг открытого грузового отсека с наклонной трап-рампой стояла вооружённая специализированная рота охраны. Это подразделение, состоящее в основном из узбеков и таджиков, славилось своей несговорчивостью. Говоря: «Твоя – моя не понимает», – они открывали огонь. Не раз подвыпившие офицеры, не договорившись с ними, пытались проскочить на машинах через аэродром за грибами, но тут же были обстреляны на поражение. Попадал под их пули и я. Тут было над чем задуматься. Положение казалось безвыходным. Я вышел из машины для изучения ситуации. Сотни глаз наблюдали за разгрузкой персиков с хвостовой части самолёта, где находился грузовой отсек. Неизученной оставалась только передняя часть лайнера, которая была бесконтрольной, и выход нашёлся. Люк – тоннель эвакуации пилотов оказался открытым. Прикинув примерную высоту нашего УАЗика, я понял, что только мне придётся рисковать, так как был самым высоким из нашей команды.

Когда я вернулся в машину, то рассказал ребятам о возможном варианте извлечения персиков из самолета. Решение было принято моментально. Мы, распределив обязанности, произвели необходимую подготовку: подготовили мешки, канаты и т. п. Затем, подогнав машину под самый люк, я быстро взобрался на неё и зацепился за выдвижные стойки, после этого подтянувшись, проник через тоннель эвакуации в кабину пилотов. Её оформление и количество установленной в ней аппаратуры на несколько секунд парализовали мои действия, такого я ещё не видел. Десятки приборов смотрели на меня, как бы ожидая указаний, а кресла манили сядь – порули. Завороженно смотря через лобовое смотровое стекло на аэродром, где стояли военные самолёты, и как бы сравнивая этот мирок с тем, что за стеклом, я вспомнил, где нахожусь.

И выйдя с оцепенения, тут же принялся к делу. Когда я спустился с кабины пилотов вглубь самолёта, то сразу увидел грузовой отсек, который с моей позиции напоминал тоннель, в конце которого в просвете копошились люди. Это были работающие на разгрузке ребята с моей роты. Но они мне были не нужны, мне нужна была конспирация и персики. Натыкаясь на какие-то мешки и снаряжение, ящиков с ними я пока не нашёл. Только пройдя чуть дальше, я увидел долгожданный болгарский груз. В невысокие сияющие белизной свежеструганной доски ящики, на упаковочной бумаге в один ряд, розовым бочком вверх, как братья – близнецы, были уложены мои долгожданные персики. Они как бы просили: возьми и надкуси меня. Вспоминая наши большие, обшарпанные, тёмные от времени, битые-перебитые колхозные ящики и сваленные в них как попало фрукты, я наслаждаясь гармонией и красотой укладки этих, несколько секунд не мог прикоснуться к ящику. Но секунды бежали, превращаясь в минуты, и я, схватив первый ящик, понёсся к тоннелю эвакуации. Там с нетерпением, выглядывая из машины, меня ждали ребята. Увидев меня, Фокин улыбаясь во весь рот, спросил: «Где ты пропал? Мы уже подумали, что тебя схватили». «Давай принимай!» – без церемоний и любезностей огрызнулся я. Мне было не до шуток.

Фокин, принимая первый ящик, на ходу приспосабливался к более рациональному решению вопроса. Но персики просыпались и, как говорится, первый блин пошёл комом. Один ящик со списка можно было вычеркнуть, так как битые персики начальству не нужны. Со вторым ящиком у него уже получилось получше. Ну, а с третьим дело наладилось, и процесс пошёл. Опуская седьмой, я им сверху с люка сказал: «Ну всё, хватит», – как бы что-то предчувствуя. Но Фокин умоляюще просил: «Ну ещё один, последний, ребят угостим». «Ну, ладно», – не смог отказать другу я.

Спуская восьмой ящик с персиками, я вдруг почувствовал, что на моё плечо легла чья-то тяжёлая рука. Сердце ёкнуло, обдавая тело адреналином. «А это что такое?» – услышал я серьёзный мужской голос. Мне сразу стало понятно, что голос и рука принадлежат одному, уверенному в своих силах, человеку. И не ошибся. Когда я оглянулся, так и не успев спустить вниз восьмой ящик, то перед собой увидел довольно крепкого, смуглого, в форме гражданской авиации мужика. На ходу выдумывая мотивы и оправдания своим действиям, я решил всё-таки говорить правду или почти правду: надо же было как-то выкручиваться. В потёмках не разобравшись в знаках отличия гражданской авиации, я выпалил: «Товарищ командир!» Поняв, что это на него произвело впечатление и задавая объяснению дружелюбный тон, я продолжил: «Понимаете, эти персики я беру не для себя, а для своего командира». Видя, что тот начинает вникать в моё объяснение да проникаться моими проблемами, я давя на мужскую солидарность решил подбросить красок на палитру, добавил: «У него сегодня День рождения, плюс к нему девушка приезжает, и ему хочется чем-то её удивить». Сочиняя на ходу и видя, что тот уже готов меня отпустить, я предвкушал чувство свободы. Как вдруг появляется второй мужик в такой же форме с вопросом: «Что здесь происходит?» Ну, думаю, я и попал! Тут первый начинает объяснять второму ситуацию, а я в это время стою, как придурок, с поличным, с ящиком персиков в руках и жду, чем их диалог закончится. Затем произошло самое неожиданное, чего я только мог ожидать. Пилот, который появился вторым, даёт команду первому: «Пусть берут сколько надо, но все ящики вернут для отчетности – лично проверю. Чем мы быстрее разгрузимся, тем быстрее взлетим», – между прочим добавил он уходя. Смуглый пилот, которому были даны указания, у меня спрашивает: «Сколько ящиков взяли?» Я уже нагло вру: «Пять». «Отдавайте все пустые ящики обратно, затем бери ещё пять с возвращением, и быстро отправляйся вниз», – дал уже мне указания лётчик. Я, спуская восьмой ящик, сказал ребятам, что сейчас будут ещё пять, но эти ящики, как и ещё пять, надо вернуть обратно. Ничего так и не поняв, они беспрекословно выполнили все мои требования. Сделав всё, как попросил пилот, и спускаясь через люк – тоннель к ребятам, я уже радостно выпалил: «Спасибо большое, товарищ командир!» «Ладно, удачи! И смотри никому не рассказывай, где ты

их взял, мне и так из-за вас сейчас влетит», – прощаясь, давал мне наставления смуглый пилот. «Хорошо!» – уже с машины выкрикнул я, не зная, услышал он это или нет, так как мы уже мчались обратно в часть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.